

УДК 94(47).08

ББК 63.3(2)52

Болнения татарских крестьян Волго-Уральского региона, вызванные нарушением традиционного уклада жизни, во второй половине XIX в.

И.К. Загидуллин

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия)

Rebellion of Tatar Peasants of the Volga-Ural Region, Caused by Disruption of Traditional Ways of Life, in the 2nd Half of the XIXth Century

I.K. Zagidullin

Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Выявляются причины неповиновений и формы проявления протестных выступлений татарских крестьян мусульманского вероисповедания Поволжья и Приуралья в пореформенный период, которые проходили под «религиозной оболочкой». В мотивации антиправительственных выступлений татарских хлебопашцев этноконфессиональный аспект был тесно переплетён с социальным. Протесты крестьян были направлены против установления новых порядков и за сохранение сложившихся общественных отношений. Даже случаи выступлений против злоупотреблений властей имели отчётливый межконфессиональный оттенок, потому что в понимании крестьян речь шла о действиях чиновников православного вероисповедания, направленных против мусульманского населения и представителей традиционных верований. Как наглядно проиллюстрировано в статье, причинами протестного социального поведения сельских обществ мусульман нередко становились нарушения традиционного уклада жизни, вызванные требованиями ветеринарно- и санитарно-медицинских мероприятий. Религиозный менталитет и незнание татарскими хлебопашцами русского языка и грамоты, слухи о предстоящем массовом принудительном крещении мусульман также способствовали протестному социальному поведению сельских обществ.

Ключевые слова: антиправительственные выступления, крестьянские общины, мусульманские приходы.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-16

В мотивации антиправительственных выступлений местных народов Волго-Уральского региона этноконфессиональный аспект был тесно переплетен

The article reveals the reasons for disobedience and forms of protests among tatar peasants of the Muslim religion in the Volga and Ural regions in the post-reform period, which was held under “religious connotation”. Motivation of antigovernment protests organized by tatar farmers involved closely intertwined ethno-confessional and social aspects. The protests of the peasants were directed against the establishment of the new order and at the preservation of the existing social relations. Even cases of protest against the abuses of the authorities had a distinct interfaith connotation, because the peasants considered it was about the actions of officials of the Orthodox faith against the Muslim population and representatives of the traditional faiths. As illustrated in the article, the reasons for the protest social behavior of rural societies of Muslims were often violations of traditional ways of life caused by the requirements of the veterinary — sanitary and medical measures. The religious mentality and ignorance of the tatar farmers of the Russian language and literacy, rumors about the upcoming mass forced baptizing of Muslims also contributed to protest the social behavior of rural societies.

Key words: anti-government protests, peasant communities, Muslim parishes.

с социальным. Протесты крестьян были направлены против установления новых порядков и за сохранение сложившихся общественных отношений. Даже случаи

выступлений против злоупотреблений властей имели отчетливый межконфессиональный оттенок, потому что в понимании крестьян речь шла о действиях чиновников православного вероисповедания, направленных против мусульманского населения и представителей традиционных верований. Свою роль в таком категоричном и полярном восприятии действий российской власти сыграли недоверие последней к местным элитам и назначение на ключевые должности в региональной администрации представителей русской национальности.

Оппозиция «свой/чужой» по вероисповедному признаку в социальном пространстве являлась неотъемлемой частью жизни поликонфессионального Волго-Уральского региона. «Вера составляла духовно-нравственный скреп крестьянского сообщества, его образ жизни. Она, в силу своей высокой значимости для идентификации культурного поля, объективно являлась дифференцирующим социальную среду началом. И православие, и ислам, и староверство, и «истинное язычество» в основной массе своей в средневожской деревне были представлены стойкими приверженцами, строго ориентированными на собственное культурное поле. И сторонники разных течений, толков и согласий «древнего благочестия», и прочие религиозные группы региона жили каждая в своих малых мирах, образуя относительно обособленные общности. Каждая конфессиональная общность — и крупная, и малая — считала, что именно ее система религиозных взглядов составляет истинную веру. «Стойкие в вере хлебопашцы, образно выражаясь, ложились костями, защищая свое конфессиональное поле», — отмечает чувашский историк-аграрник Г.А. Николаев [1, с. 7].

Религиозная община, выполнявшая консолидирующую и охранительную функции, консервировала основы традиционного общества [2, с. 87], что еще сильнее усиливало охранительное начало в общественном сознании мусульман, основанном на религиозном мировоззрении, обеспечивавшем идеологическое единство уммы. Как отмечал казанский миссионер М.А. Машанов, «это замкнутая община, доступ в которую всякому постороннему, даже благодетельному, совершенно закрыт [...] В такой замкнутой среде, конечно, царит дух религиозной общины, каждый член которой считает своей обязанностью блюсти интересы этой общины» [3, с. 12]. Преступлением против религии считалось любое изменение традиций, норм, «кодексов приличий» во всех сферах жизни человека: технических приемов в ремесленном производстве и земледелии, в отношениях между членами семьи, работниками производства, традиционных форм жилища, покроя платья и в особенности формы головного убора и прически [3, с. 91]. Неслучайно офицеры Самарской губернской жандармерии отмечали, что мусульмане «к любым сомнительным мерам мест-

ной администрации относятся недоверчиво, живут особняком, им присуща любознательность, особенно относительно правительственных распоряжений и мероприятий, скрытность, полная солидарность, вытекающая из религиозных начал и подчинения влиянию своего духовенства, которое далеко не безучастно в волнениях населения» (цит. по: [4, с. 279]).

Среди выступлений татарских крестьян, происходивших из-за боязни христианизации, можно выделить волнение в Кармышской волости Казанского уезда. Более 500 чел. в рекрутском участке в д. Кармыш-Казанбаш отказались от принятия жребиев с условными знаками (крестиками), обозначенными волостным старшиной Х. Хамидуллиным. Эти крестики навели татарское население на мысль о желании властей крестить их. Крестьяне хотели избить продавшегося, по их мнению, русским властям волостного старшину, но тот скрылся. Был избит волостной заседатель. Для усмирения волнения в селение прибыл становой пристав. Несмотря на все его усилия, народ отказался от принятия жребиев. Наиболее активные участники волнения (33 чел.) были отданы под суд [5, л. 1–33].

Немаловажное значение в формировании настроенного отношения к действиям местной администрации имело и то обстоятельство, что сельские общества находились под влиянием мировоззрения кадимистов, отрицавших всякое нововведение. Например, известно, что в 1869 г. в Самарской губернии из 30 мулл Бугурусланского уезда только четверо знали русский язык, из 15 мулл Самарского уезда все умели говорить по-русски, а писать лишь трое, в Новоузенском уезде мулл, не знавших русского языка, не было, а в Бугульминском уезде из 68 мулл русский язык не знал ни один [6, л. 2–30]. Данные факты указывают на отсутствие у большей части приходского духовенства возможности адекватно оценивать содержание мероприятий, проводимых центральными и местными органами власти, свидетельствуют об искаженном восприятии подобной информации духовными лидерами, являвшимися ключевыми фигурами в формировании позиции и поведения мусульманского населения.

Противочумные и противохолерные правила требовали подчинения народных традиций и образа жизни строгим медицинским нормативам, что воспринималось как покушение власти на религиозные права. Скажем, для погребения умершего от холеры сельское общество должно было иметь специальное кладбище, в специально построенном помещении на территории которого производилось омовение тела. В нем имела яма для слива воды после омовения, которая каждый раз дезинфицировалась под наблюдением медицинского работника, как правило, православного вероисповедания. К обряду не допускались посторонние. Инструменты и ткани, которые были задействованы

при омовении ложили в могилу вместе с трупом, который сначала засыпался в первых слоях негашеной известью в количестве одного пуда; ящик, в который был положен труп, и экипаж, на котором был привезен труп, тщательно дезинфицировались. Обряд омовения производили назначенные лица, которые затем также проходили дезинфекцию. Все эти правила выполнялись под надзором врача или фельдшера (и полиции) с соблюдением санитарных требований [7, с. 86–87].

Погребение умершего от чумы производилось также не по-мусульманскому обряду. Труп умершего завертывали в простыню, обильно смоченную раствором сулемы, затем укладывали в плотный и осмоленный ящик с плотно закрывающейся крышкой, в таком виде привозили на «чумное кладбище». Могила имела глубину не менее 3 аршин (2,32 м), дно которой и гроб сверху засыпалось слоем извести. Правда, допускалось совершение омовения в помещении, в котором человек умер. При этом лица, совершившие омовение, и мусульмане, прикасавшиеся к покойнику, и одежда тщательно дезинфицировались, и они по решению медицинской комиссии могли быть изолированы от общества на 10 дней. Если омовение совершалось на территории кладбища, то сельское общество было обязано построить закрытое помещение с непроницаемым полом, внутри которого имелась быцементированная яма для слива воды [7, с. 134–135].

Согласно «Временным правилам об умерших от холеры магометан» Оренбургского магометанского духовного собрания от 2 сентября 1892 г. [7, с. 86–87], имамы были обязаны разъяснять прихожанам временность непопулярных мер предосторожности, нарушающих традиционный обряд погребения.

В периоды эпидемий сельское население, как правило, отказывалось лечиться у медицинских работников. Крестьяне, независимо от религиозной принадлежности, даже в самый критический момент не обращались к врачам, в случае назначения лечения не следовали указаниям медиков. Крестьяне не давали даже измерить температуру, не говоря уже о приеме лекарств. Недоверчивость татар-мусульман к медикам заключалась в том, что они смотрели на смертельный исход со смирением, говоря «Смерть придет — большой умрет» [8, с. 92–93]. Среди них не было знахарок, как среди других этнических групп, татарское население прибегало к средствам народной медицины и лечились посредством молитвы [9, с. 65–66]. Скажем, во время эпидемии холеры в 1892 г. мусульманские сельские общества воздержались от какого-либо содействия в осуществлении санитарно-медицинских мероприятий. В частности, мусульманские духовные лица Мамадышского уезда Казанской губернии отказывались от совершения обряда погребения над умершими от холеры единоверцами, высказывая недовольство суммой вознаграждения в 2 руб., выдаваемых земскими управами, и требуя, со ссылкой на реше-

ние Оренбургского магометанского духовного собрания, сумму в 5 руб. [8, с. 82]. Порой негативная позиция сельского общества выражалась в виде активного противостояния, для его усмирения власти применяли силу. Например, летом 1892 г. в Тетюшский уезд была направлена рота солдат для ограждения медиков от возможного проявления агрессии со стороны татарских крестьян.

Земства, ответственные за предотвращение эпидемий таких болезней, как оспа, чума, нуждались в точных данных о новорожденных для эффективной вакцинации. По предложению Белебеевской земской управы и уфимского губернатора Оренбургское магометанское духовное собрание циркуляром от 7 июня 1891 г. также обязало приходских духовных лиц отправлять каждое полугодие списки младенцев в уездные земские управы для своевременной вакцинации; составлять и передавать чинам полиции два экземпляра карточек о смертности от болезней, для передачи одну из них уездному (городскому) врачу, другую — уездную земскую управу [7, с. 44–45].

Более всего успеху санитарно-медицинских мероприятий мешало то, что многонациональное население скрывало факты появления болезни, что было распространено как среди татар, так и русских. В обязанности сельского духовенства входило донесение ежемесячных отчетов о случаях смерти от заразных болезней в местные органы власти. Однако мусульманское духовенство часто уклонялось от исполнения данного обязательства, циркуляром от 18 марта 1891 г. Оренбургское магометанское духовное собрание напомнило им об ответственности перед законом за подобные упущения, указав, что они обязаны предоставлять отчеты и при отсутствии случаев смерти от заразных болезней. Другими циркулярами (от 15 марта и 4 апреля 1891 г.) по ходатайству земской управы Златоустовского уезда и уфимского губернатора имамам было предписано убеждать прихожан в прививании детей для предупреждения оспы [7, с. 44, 47].

О каждом случае возникновения массовых заболеваний скота сельское начальство должно было сообщить властям и следить за выполнением проведения ветеринарно-санитарных мероприятий. В период эпидемии запрещалось: общая пастьба скота, пользование продукцией животного происхождения. Ветеринары могли организовать убой животных без согласия их владельцев, а их туши уничтожить или закопать. За убитого животного хозяин получал вознаграждение в размере $\frac{3}{4}$ его оценочной стоимости в случае, если сам заявлял властям о болезни, поэтому крестьяне всячески старались скрывать факты падежа скота [7, с. 94].

В середине 80-х гг. XIX в. в Самарской губернии прокатилась волна крестьянских выступлений, вызванная произволом властей, грубыми действиями

ветеринарных врачей и «противочумной комиссии», члены которой, разъезжая по деревням, устраивали карантин, забивали скот. Волнения среди мусульман были вызваны «Правилами о порядке применения в Самарской губернии меры убивания зачумленного и подозреваемого в зачумлении скота...» от 1884 г. В соответствии с этими правилами в сельской местности учреждались чумные комиссии и ветеринарные стражники для контроля за перегоном скота, которые содержались за счет населения. Эти непопулярные среди крестьян мероприятия проводились с различными нарушениями, негативно сказавшимися на их экономическом положении. Однако «ближайшим источником волнения было ложное истолкование изданных земством чумных правил, в которых имелось как бы в виду одно только русское население [...], а не татарское [...] В этих правилах говорилось о священниках, а о муллах не упоминалось, вследствие чего татары стали думать, что и у них будут православные священники». В прошении министру внутренних дел от 1885 г. поверенные крестьян деревень Урсаево, Тумутук, Чалпы, Сасыкулево, Еланкулево, Тойкино Бугульминского уезда просили прислать «печатные объявления о том, что правительство не желает изменить нашу религию, и предоставляет нам ту же свободу вероисповедания, которая существовала до сих пор» [10, с. 105–109].

Высшим проявлением противодействия крестьян мусульман противочумным мероприятиям явилось антиправительственное выступление татарского населения в д. Сулеево Мензелибашевской волости Бугульминского уезда. В середине мая 1885 г. в эту деревню прибыли представители соседних поселений: Урсалыбашево, Татарская Шерлама, Новое Каширово, Мензелибашево. Так называемый ветеринарный стражник был вынужден опять покинуть селение. 18 мая в Сулеево для увещевания прибыл губернатор А.Д. Свербеев. Собравшиеся люди (свыше 600 чел.) прервали выступление чиновника возгласами протеста. А.Д. Свербеев взял под арест старосту и приказал всем встать на колени. Мусульмане не подчинились и, вооружившись кольями, палками, двинулись на губернатора и стоявших рядом с ним чиновников [10, с. 106–108]. «Лишь обнаженные шашки 14 урядников и полицейских приостановили движение толпы». Через несколько дней в Сулеево прибыл карательный отряд: активисты были арестованы и принудительно переписан крестьянский скот.

Весной-летом 1885 г. выступления против местных властей произошли в д. Новое Усманово Бугурусланского уезда, д. Бигашево и Бакаево Бугульминского уезда, где жителей под угрозой расстрела заставили подчиниться властям [11, с. 191–192].

Нежелание платить обязательные страховые сборы порой мотивировалось запретом шариата или невыгодностью их уплаты. В частности, в ноябре 1889 г.

жители д. Куртамыш Челябинского уезда Оренбургской губернии отказались платить страховой сбор, их сопротивление было подавлено военной силой [12, с. 515].

Выступления мусульман, семейная жизнь которых в значительной степени была подчинена нормам шариата, были направлены против проникновения в культурно-территориальное пространство сельской общины такого явления, как продажа спиртных напитков. Борьбу с ней, как правило, возглавляли мусульманские духовные лица. Обязательным атрибутом селений, в которых располагались волостные правления, являлись питейные заведения, что служило одной из причин несогласия мусульманского населения учреждать в своих селениях волостные центры. Поэтому в XIX в. кабаки или питейная лавка были редким явлением в татарских деревнях. Лишь в некоторых случаях путем подкупа мулл и влиятельных местных жителей настойчивые предприниматели устраивали питейные заведения, приучая местных крестьян к употреблению спиртных напитков. Однако большинство мусульманского духовенства было против. В 1864 г. при возможном участии имама Абдулгагирова жители д. Чемансарово Мензелинского уезда сожгли винные лавки. В д. Ахмет-Абызово того же уезда неизвестными был убит владелец кабака Г.С. Горбунов (незадолго до этого башкиры угрожали ему). Имам С. Раимов избил палками С. Гаскархузина за допуск в дом торговцев вином. По инициативе имамов сельские общества подали коллективные прошения о закрытии кабаков и винных лавок. Важно отметить, что они во многом исполняли предписания Оренбургского магометанского духовного собрания бороться с вином как с источником большинства преступлений против человека и общества и вести работу с прихожанами по устранению этого негативного явления [13, с. 170].

Порой отдельные крестьяне выступали против открытия питейного заведения даже после согласия общества. В частности, в апреле 1891 г. 150 татар д. Второе Бакаево Уфимского уезда и губернии не позволили открыть частное питейное заведение и оказали сопротивление прибывшей полиции [14, с. 152–153].

В целом, боязнь крещения под воздействием различных слухов приводила к широкому использованию татарскими крестьянами пассивного противодействия, выражавшегося прежде всего в отказе выдавать общественные приговоры и исполнять предписания властей, которые нарушали традиционный хозяйственный уклад и задевали религиозные традиции в поземельной общине. Также происходили случаи избиения представителей власти и противодействие санитарно-медицинским и ветеринарным мероприятиям и другим нововведениям, противоречащим нормам шариата. Для доведения

до администрации своего мнения успешно применялась подача прошений в губернскую администрацию, Оренбургское магометанское духовное собрание и правительство.

На такие действия мусульман в значительной степени оказывал влияние ряд факторов, такие как их жизнедеятельность в консервативных поземельных общинах, изолированных от происходивших в стране общественно-политических процессов, недостаточная разъяснительная работа местной администрации о сути нововведений, отдельные высказывания русских жителей или действия православных священни-

ков, задевавшие национальные и религиозные чувства мусульман. Незнание основной массой мусульман русского языка лишало их возможности личной перепроверки слухов об ожидаемой христианизации. Крайне подозрительно татарское сельское население относилось к действиям российских властей, касающимся вопросов вероисповедания. Основными причинами негативной реакции мусульманского сообщества на меры земств являлись последствия государственно-церковных отношений, сформировавших глубокое недоверие к нововведениям властей, которые воспринимались как антиисламские мероприятия.

Библиографический список

1. Николаев Н.А. Средневожская поликонфессиональная деревня второй половины XIX — начала XX века в аспекте отношений «свой» и «чужой»: к постановке проблемы // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : сб. ст. — Вып. 2. — Казань, 2011.
2. Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX в. — Казань, 2005.
3. Машанов М.А. Современное состояние татар-мухамедан и их отношение к другим иноверцам. — Казань, 1910.
4. Загидуллин И.К., Гибадуллина Э.М. Антиправительственные выступления сельского мусульманского населения Самарской губернии во второй половине XIX в. // Нация. Эпохи. Личность: сборник памяти доктора исторических наук Г.Л. Файзрахманова. — Казань, 2008.
5. Национальный архив Республики Татарстан. — Ф. 1. — Оп. 3. — Д. 787.
6. Государственный архив Самарской области. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 3068.
7. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. — Уфа, 1905.
8. Муллағалиев Р.М. Социально-экономическая жизнь татарской поземельной общины Казанской губернии в пореформенный период (60–90 гг. XIX в.) : дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2012.
9. Сухарев А.А. Казанские татары (Уезд Казанский). — СПб., 1904.
10. Рафикова Г. Волнение возникло из заблуждений и ошибок // Гасырлар авазы = Эхо веков. — 2004. — №2.
11. Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60–90-е годы XIX века. — Казань, 1973.
12. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. : сборник документов. — М., 1968.
13. Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. — Уфа, 1996.
14. Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. : сборник документов. — М., 1959.